

“ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИФ” И “ВЕСТФАЛЬСКИЙ” СУВЕРЕНИТЕТ

© 2019 г. А. КУПРИЯНОВ¹

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a.kupriyanov@imemo.ru).

Куприянов А.В. “Вестфальский миф” и “вестфальский” суверенитет.
Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 4, сс. 11-23, DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23

DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23

УДК: 30+321+327+341

Статья поступила в редакцию 17.11.2019.

В статье исследуется вопрос о происхождении так называемого вестфальского суверенитета – концепции, согласно которой национальное государство обладает всей полнотой власти во внешнеполитических вопросах, являясь полностью независимым в принятии решений. Автор, анализируя текст Вестфальского мирного договора и исторические реалии XVII в., приходит к выводу, что Вестфальский конгресс не сыграл решающей роли в формировании системы суверенных государств, а сам “вестфальский суверенитет” является изобретением значительно более поздним. Для иллюстрации этого в статье на примере частного вопроса о независимости Швейцарии и Нидерландов рассматривается специфика представлений о суверенитете в описываемый период.

Ключевые слова: Вестфальский мир, Швейцария, Нидерланды, суверенитет, Франция, “Вестфальский миф”, история международных отношений, Тридцатилетняя война.

Одной из важных частей “Вестфальского мифа” является представление о том, что основной единицей системы международных отношений (СМО) в Европе по итогам подписания Вестфальского договора стали суверенные государства. В соответствии с этим представлением, существовавшие до того политии не были суверенны: они были организованы в иерархическую структуру по образцу феодальной лестницы, на верхней ступени которой находились папа римский и, в некоторых трактовках, император Священной Римской империи, которые обладали признававшимся всеми акторами правом вмешиваться во внутреннюю политику политий и оказывать влияние на их внешнюю политику. В результате подписания Вестфальского договора сформировалось современное представление о суверенитете; после 1648 г. иерархия исчезла и было установлено формальное равенство государств.

При ближайшем рассмотрении такая трактовка СМО Средних веков и раннего Нового времени не может не вызвать недоумения. В эпоху своего расцвета Священная Римская империя германской нации (СРИГН) включала значительные территории, однако вне ее границ оставались крупные европейские политии, не говоря уже о неевропейских. В состав империи не входили Польша, Франция, Англия, Шотландия, русские княжества, скандинавские королевства, Кастилия и Арагон, южная часть Италии, большая часть балканских земель. Никто из монархов этих политий не признавал власти императора СРИГН, а высказываемые

¹Первую часть статьи см.: Куприянов А.В. «“Вестфальский миф”: история и критика». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс 37-50.*

порой императорами претензии на сюзеренитет над ними не подкреплялись реальными внешнеполитическими шагами.

Схожим образом дело обстояло с папской властью. Еще до момента подписания Вестфальского договора значительные территории в Европе перестали признавать духовную власть папы (включая Англию, Шотландию, часть германских княжеств, Нидерланды, скандинавские королевства); претензии пап на светскую власть были отвергнуты европейскими монархами за несколько столетий до того. При этом папа по-прежнему оставался (и остается до сих пор) высшим авторитетом в духовных вопросах для католиков, проживающих в том числе в государствах с протестантским большинством.

Подобные несоответствия ставят под сомнение всю концепцию формирования по итогам подписания Вестфальского договора современной системы международных отношений как основывающейся на идее внешнего и внутреннего суверенитета. Настоящая статья посвящена анализу понятия о суверенитете и его трансформации в описываемый период. Для решения этой задачи используются как исторические, так и политологические методы, в первую очередь историко-типологический, хронологический, структурно-функциональный и сравнительный.

Статья разделена на пять частей. В первой анализируется система международных отношений в Европе до заключения Вестфальского мира и существующие на данный момент взгляды на ее природу. Во второй – кратко рассматривается эволюция представлений о суверенитете в средневековой Европе и выявляются его основные черты. В третьей части исследуется сам текст Вестфальского договора на предмет наличия в нем представлений о суверенитете как о новой концепции, которая должна лечь в основу системы международных отношений. В четвертой части описывается состояние европейской подсистемы международных отношений после заключения Вестфальского мира. Пятая часть посвящена исследованию вопроса о получении суверенитета Нидерландами и Швейцарией по итогам Вестфальского конгресса.

ЕВРОПА ДО ВЕСТФАЛЯ: ИЕРАРХИЯ, АНАРХИЯ ИЛИ ГЕТЕРОНОМИЯ

До начала 1980-х годов среди исследователей-международников господствовало представление о том, что европейская подсистема международных отношений в Средние века была иерархической и выстраивалась в соответствии с идеальным представлением о феодальной лестнице. Это представление в рамках исторической науки было отброшено как утратившее актуальность еще в середине XX в. Образовался концептуальный разрыв: в то время, как историческая наука ушла далеко вперед, и медиевисты дискутировали о самом содержании понятия “феодализм” и о наличии его в средневековой Европе в принципе, международники пользовались устаревшей на десятилетия моделью. Обновить эту модель попытался политолог Джон Рагги, предложивший в 1983 г. концепцию средневековой СМО как гетерономной системы, в рамках которой разнородные политики взаимодействуют путем установления сложной сети связей [1]. Свою идею он развил в последующих работах [2]. Конструктивистская по сути концепция Рагги, выгодно контрастировавшая с очевидно устаревшим представлением об универсалистском характере средневековой европейской системы международных отношений, быстро завоевала сторонников, в дальнейшем продолжавших развивать его идеи применительно и к другим регионам мира и иным историческим периодам [3].

В начале 1990-х годов неореалист Маркус Фишер предложил альтернативную теорию. По мнению Фишера, средневековые отношения принципиально не отличались от современных, будучи столь же анархическими по сути; в качестве акторов в них действовали королевства, герцогства, баронства, аббатства, города [4]. Эта теория была подвергнута немедленной критике Р. Холлом и Ф. Кратохвилем [5]. На этом дискуссия завершилась, так как ни Фишер, ни его сторонники не смогли дать аргументированного ответа критикам.

Концепция Рагги, достаточно адекватно описывавшая систему взаимодействия между средневековыми акторами, при всех очевидных плюсах имела значительный минус: она не позволяла выделить ключевых акторов на протяжении того или иного исторического периода средневековой европейской истории, по сути превращая систему международных отношений

Средневековья в коллекцию атипичных случаев и исключений. Это побудило политолога Э. Лэтэма разработать собственную концепцию, которая наиболее полно описывает европейскую средневековую СМО [6; 7]. По мысли Лэтэма, уже в XIV в. в Европе сформировались политии, которые можно охарактеризовать как государства в полном смысле этого слова. Эти политии обладали необходимыми признаками государства, включая территорию, границы, внешний суверенитет, власть монарха в них была легитимизирована через делегирование прав от имени корпорации. Лэтэм, однако, не пытался проследить процесс формирования европейских политий дальше вглубь веков, что существенно ограничило рамки его анализа.

Между тем уже в VIII в. н.э. можно обнаружить территориальные государства. После падения Западной Римской империи сформировавшиеся на ее территории варварские королевства унаследовали имперскую структуру власти и управления. Наиболее могущественные из них претендовали на преемственность от Римской империи: так, вестготские короли во время официальных церемоний использовали императорские знаки власти (золотой венец и пурпурное облачение) и подчеркивали принадлежность к роду Флавиев [8, р. 111]. Пика этот процесс утверждения “преемственности” достиг при Карле Великом, провозгласившем себя императором Запада. В дальнейшем в силу неизбежного кризиса управления власть королей ослабла, произошла так называемая феодальная революция, возросло значение папской власти. Период собирания земель и расширения границ сменился периодом фрагментации, который завершился в XIV в. новым укреплением королевской власти, рука об руку с ней шла территориализация существующих политий [9, pp. 162-167].

Одним из признаков средневековой системы являлась частично формализованная градация государств – своего рода иерархическая лестница, положение на которой зависело от формы правления, древности государства и влияния правящей в нем династии. Эта социально-культурная иерархия не обязывала стоящих на ступень ниже подчиняться тем, кто стоял выше, не давала и не лишала их никаких прав, но в эпоху династической дипломатии стремление улучшить положение на этой лестнице было достаточным поводом для внутри- и внешнеполитических шагов.

Желание королей укрепить свой статус по сравнению со статусом монарха-соперника можно обнаружить уже в раннем Средневековье. Так, в “Круге земном” описываются эпизоды с участием посланцев Харальда и Этельстана, обменивавшихся дарами с целью продемонстрировать относительно низшее положение друг друга: Этельстан отправил Харальду в подарок меч, а тот хитростью отдал ему на воспитание сына, позже ставшего конунгом Хаконом Добрым [10, pp. 64-65]. Во времена высокого Средневековья начался процесс формализации этой социально-культурной иерархии, который продолжался и в XVI–XVII вв. Одним из признаков формализации стало создание списков старшинства европейских государств и их правителей, в соответствии с которыми их посланникам оказывались почести при дворе. Наиболее известным является список папы Юлия II, датированный 1504 г. Он дошел до нас в нескольких вариантах, различающихся иерархическим порядком держав [11, pp. 13-16; 12, р. 624; 13]. Папа римский как принимающая сторона в списке не упомянут: на первом месте находился император Священной Римской империи, на втором – он же в роли римского короля (тем самым подчеркивалось старшинство императора даже в случае, если он не был официально коронован папой), затем шли короли Франции, Испании, Арагона, далее следовали остальные монархии, потом республики во главе с Венецией, а затем герцоги, графы и бароны. Места в этой иерархии неоднократно оспаривались: так, спор между Англией и Португалией за позицию в списке продолжался с середины XVI до конца XVIII в. [11, pp. 114-115; 14, р. 274]. Протестантские монархи неоднократно протестовали против подобной иерархии, заявляя, что они являются равней любым другим королям, но при этом не пытались оспорить низший статус республик [11, р. 14].

На Вестфальском конгрессе (1648 г.) произошло множество инцидентов, вызванных желанием делегаций продемонстрировать свой высокий статус, некоторые из них значительно замедлили достижение договоренностей. Одним из характерных примеров может служить эпизод во время переговоров в Мюнстере, когда французский посланник граф д’Аво проводил венецианского посланника Контарини лишь до нижних ступеней лестницы вместо того, чтобы довести его до дверей кареты, как того требовал дипломатический церемониал в отношении

равного по статусу. Протесты венецианцев остались без ответа, французский двор поддержал действия своего посланника [15, pp. 57-58]. Сама Венеция тщательно блюла свое место первой среди республик: венецианцы настаивали на собственном приоритете перед Нидерландами, указывая, что в состав Венеции входят королевства, в то время как в состав Нидерландов – лишь герцогства и графства [16, p. 19]. Изменить статус голландцам удалось лишь после укрепления роли статхаудеров из рода Оранских, что привело сперва де-факто (после казни одного из лидеров республиканской партии Йохана ван Олденбарневелта), а затем и де-юре к превращению Нидерландов в наследственную монархию.

ДОВЕСТФАЛЬСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Несмотря на наличие статусной иерархии, еще с эпохи раннего Средневековья большая часть крупных политий обладала как внешним, так и внутренним суверенитетом в понимании близком к современному. Это выражалось в отсутствии какой-либо верховной светской или духовной власти, способной ограничить действия короля на внешнеполитической арене.

В XI в. произошли кардинальные изменения. На Латеранском соборе в 1059 г. был принят ряд декретов, которые ознаменовали начало становления папства как отдельного игрока на поле европейской политики: вместо земельных магнатов избирать папу могли лишь кардиналы, а император сохранял право утверждения избранного понтифика. Помимо этого, были осуждены симония и практика возведения священников в сан правителями-мирянами, что означало выведение всей системы церковных клириков из подчинения императорской и королевской власти [17, pp. 83-84]. Попытка императоров воспрепятствовать этому решению и сохранить в своих руках контроль над духовенством привела к началу борьбы за инвеституру, которая совпала с возрождением интереса к римскому праву и процессом унификации на его основе и на основе канонического права юридических норм в европейских странах. В результате встал вопрос о суверенитете в контексте борьбы папы и императора: если император Запада претендовал на ту же степень суверенности, что и император Востока, то набирающее силу папство пыталось утвердить свою гегемонию, возводя право на суверенитет непосредственно к Господу. Пытались отстоять свое право на суверенитет и исключенные из этой схемы короли и республики. В процессе борьбы и обмена аргументами возник ряд концепций, включая теорию народного суверенитета: если Бартоло да Сассоферрато при помощи народного суверенитета отстаивал право республик на самоуправление, то Марсилиус Падуанский защищал верховенство императора [18, pp. 177-217], а Манегольд Лаутенбахский – верховенство папы [19, pp. 124-151]. Иоанн Парижский обосновывал право королей на суверенитет [20].

Папству в ходе этой борьбы удалось примерно на столетие утвердить свое господство как верховного арбитра и сюзерена для части европейских государств; сам факт того, что императора мог короновать только папа, подчеркивал подчиненное положение императора в отношении главы католической церкви [21, p. 254]. Папское могущество достигло апогея во времена понтификата Иннокентия III, которому удалось добиться того, чтобы его признали своим сеньором короли Португалии, Арагона и Болгарии. Наиболее показательным символом папской мощи стал запрет понтифика на войну между Англией и Францией, которому оба короля были вынуждены подчиниться. Тем не менее власть папы как верховного правителя так и не признали все европейские монархи. Франция и Кастилия никогда не были вассалами папы. Англия – вассал Святого Престола с 1214 г., формально отказалась от этого статуса в 1366 г. Реально это произошло еще раньше — после того, как духовенство Франции и Англии отказалось исполнять выпущенную в 1296 г. папой Бонифацием VIII буллу *Clericis laicos*, предпочтя подчиниться собственным королям. В XIV в. папы превратились в младших союзников французских королей; после окончания Авиньонского пленения² начался Великий западный раскол³, подорвавший усилия пап по возвращению себе былой роли в

² Авиньонское пленение пап – период в истории папства, длившийся с 1309 по 1378 г., когда резиденция пап находилась не в Риме, а в Авиньоне. Папы этого периода были фактически исполнителями воли французских королей, от которых непосредственно зависело их благосостояние.

³ Великий западный раскол – раскол в католической церкви в 1378–1417 гг., во время которого на место понтифика претендовали одновременно два-три кардинала.

европейской политике. Попытки папства восстановить свои позиции, опираясь на Францию, были окончательно пресечены после разграбления Рима войсками Карла V в 1527 г. В первой половине XVI в. императоры Священной Римской империи перестают короноваться в Риме, а в имперском праве появляется концепция, согласно которой уже само избрание курфюрстами претендента на престол делает его императором. Однако падение влияния папства не привело к усилению императоров, основная роль в европейской политике перешла к королям, не признававшим экстерриториальной власти на основе принципа "король есть император в собственном королевстве".

В целом можно констатировать, что уже в XIV в. европейские королевства были суверенными, то есть проводили свою политику без оглядки на любое вышестоящее лицо, будь то папа или император. Суверенитет европейских королевств, однако, явление достаточно сложное. Так как политика средневековых монархий была династийной, то в период ослабления королевской власти неоднократно возникали ситуации, при которых монарх формально оказывался вассалом другого монарха, что приводило к различным коллизиям.

Постепенно с укреплением центральной королевской власти эти коллизии так или иначе разрешались. К примеру, королевство Наварра (имеется в виду французская Наварра, испанская Наварра к этому времени вошла в состав единого испанского государства) еще в XVI в. формально считалось суверенным государством, при этом его королевский дом являлся вассалом французских королей, держа от них земли во Франции. Разрешена эта ситуация была путем личной унии Франции и Наварры. Окончательно Наварра вошла в состав Французского королевства в 1620 г., то есть уже после начала Тридцатилетней войны.

Еще более показательна история пленения и освобождения Ричарда Львиное Сердце, по возвращении из крестового похода попавшего в плен к австрийскому герцогу Леопольду, который передал его императору Генриху VI. Ричард был освобожден в 1194 г. после того, как за него уплатили огромный выкуп. Помимо этого, король преклонил колена перед императором и принес ему оммаж (символическая церемония присяги, означавшая заключение вассального договора) за Англию, обязавшись к тому же платить ежегодно по 5 тыс. фунтов. Он также передал императору английские королевские регалии, при помощи которых тот короновал Ричарда вновь [22, p. 248; 23, p. 228]. После освобождения Ричард, не имея возможности открыто выступить против императора, с которым он заключил союз против французского короля Филиппа Августа, демонстративно повторно короновался для того, чтобы показать, что правит своим королевством как суверенный монарх. От подданных произошедшее скрыли, тем более что действия Генриха VI в качестве суверена совпадали с планами Ричарда (в июле 1195 г. император направил королю золотую корону и приказал начать войну против Филиппа Августа, которая к тому моменту шла уже больше года). В итоге в отсутствие кодифицированного и общепризнанного феодального права сложилась ситуация, когда Ричард и его наследники правили страной как суверенные монархи; при этом императоры, хотя и не предъявляли претензий как сюзерены, от своих прав не отказывались.

Коллизия разрешилась лишь через два с половиной века во время визита в 1416 г. в Англию императора Сигизмунда II, который прибыл, чтобы договориться с Генрихом V о союзе против Франции. На берегу императора встретил отряд вооруженных всадников во главе с Хамфри Ланкастером, герцогом Глостером. Они въехали в волны прибоя с обнаженными мечами и заявили Сигизмунду, собиравшемуся высадиться на берег, что "если он намерен въехать в Англию как император и действовать там, как если бы Англия была имперской землей, и вершить там свое управление, то они готовы оказать ему сопротивление во имя короля". После того, как Сигизмунд заверил герцога, что он прибыл как друг короля, а не как император Англии, тот вернулся на берег и принял гостя со всем возможным почтением [24, p. 53; 25, p. 750]. Очевидно, что Хамфри Ланкастер действовал по королевскому приказу. В 1513 г. король Генрих VIII в преддверии встречи со своим союзником императором Максимилианом I распорядился сделать перевод *Vita Henrici Quinti* авторства Тита Ливия Фруловези с описанием этого эпизода и со специальным пояснением, что "король есть император в собственном королевстве" [26, p. 60].

Таким образом, очевидно, что к уже в XV в. основными акторами в Европе являлись

королевства, внешний суверенитет которых не ограничивался ни папой, ни императором. Какие же изменения внес в ситуацию подписанный полтора столетия спустя Вестфальский договор?

ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИР: В ПОИСКАХ СУВЕРЕНИТЕТА

В тексте Вестфальского договора отсутствует слово “суверенитет”, что вполне объяснимо, поскольку в латинском языке, на котором составлен договор, его нет. Самый близкий к нему термин – *supremum dominium* (полное господство), которое Франция, согласно договору, приобрела над новообретенными землями. Этот термин, однако, не являлся нововведением Вестфальского договора и использовался в документах, определявших статус лорда по отношению к вассалу, еще в XII–XIII вв. [27, р. 117]

Помимо самого термина, Мюнстерский договор содержит также подробное перечисление владений, которые переходят к французскому королю, и прав, в которые он вступает. Но подобная формула использовалась в договорах еще несколько столетий назад, например, в 1258 г., когда Людовик IX уступил Хайме Арагонскому феодальные права на графство Барселона, или в Камбрейском мирном договоре 1529 г., когда Франция отказалась от всех завоеваний в Италии. Аналогичные формулировки, стандартные для того времени, встречаются и после Вестфальского мира – в Аахенском мирном договоре 1688 г. и в Рейсвейкском мирном договоре 1697 г. [28, pp. 577-579] Подобные формулировки являлись для договоров того времени типичными: договаривающиеся стороны пытались максимально обговорить все уступки, чтобы избежать дальнейших споров. Более того, невзирая на заявленный *supremum dominum*, Франция по условиям Вестфальских договоров обязалась не вводить новые законы в Брейзахе и на территории Эльзаса, ограничивающие дарованные Габсбургами привилегии, то есть не приобрела суверенитет над ними в современном смысле слова. В результате, хотя Франция получила земли в постоянное владение, они продолжали платить империи налоги, подчинялись законам Священной Римской империи, и посылали своих представителей в рейхстаг на протяжении еще нескольких десятилетий [28, р. 581]. Попытка Людовика XIV утвердить полный суверенитет над ними в 1674 г. стала поводом для объявления империей войны Франции [29, р. 75].

В отличие от Франции, Швеция получила территории на правах имперских фьефов, то есть земель, предоставляемых сеньором вассалу в обмен на исполнение определенных обязанностей в пользу сеньора. Таким образом, шведский король вынужден был приносить императору оммаж и получил право представлять их население в рейхстаге. Вестфальский мир не закрепил в качестве нормы невмешательство в дела других стран, что является одной из основ суверенитета. Наоборот, он предусмотрел право на вмешательство иностранных государств в дела Священной Римской империи, причем не только через их статус как гарантов соблюдения договора, но и через их территориальные приобретения и включения (в случае Швеции) в сложную систему внутриимперских отношений. Эта система продолжала функционировать и после подписания Вестфальского договора. Одним из самых известных примеров являлось княжество Бранденбург–Пруссия: правивший им великий курфюрст вплоть до 1657 г. являлся одновременно вассалом императора, владея Бранденбургом, и вассалом Речи Посполитой, владея Восточной Пруссией. Таким образом, можно резюмировать, что Вестфальский мир стал лишь одной из вех на пути превращения средневековой композитной монархии в абсолютную, не сыграв в этом значительной роли.

Пытаясь отыскать в Вестфальском договоре указание на суверенитет, нередко обращают особое внимание на статус князей в Священной Римской империи. В частности, на полученное ими по договору право заключать договоры с иностранными державами, что иногда трактуется как расширение их полномочий. Однако исторический анализ показывает, что договор лишь зафиксировал существовавшую де-факто, но не кодифицированную практику: так, Пфальц и Бранденбург заключили договоры с Нидерландами еще в 1604 и 1605 гг. соответственно, еще до начала Тридцатилетней войны князья формировали коалиции – Евангелическую унию и Католическую лигу. Стоит отметить, что среди предложений, с которыми прибыла на конгресс французская делегация, изначально присутствовала идея предоставить княжествам внутри империи именно “суверенитет” [30, р. 89]. Любопытно, что французы планировали включить в

текст, написанный на латинском языке, французское слово, не найдя ему латинских аналогов. Однако в процессе переговоров под нажимом имперской стороны эта идея была отвергнута, и дело ограничилось закреплением в договоре описанной практики.

В остальном же Вестфальский договор не расширял, а ограничивал власть князей. Так, был фактически отменен принцип “чья власть — того и вера”: отныне князья не могли принуждать подданных к перемене религии или вынуждать их к эмиграции по религиозным мотивам. Более того, права большей части принцев были дополнительно ограничены властью рейхстага, который мог лишить князя владений в случае неподобающего поведения и за серьезные нарушения во время правления (в том числе за сношения с враждебным государством). В общей сложности в течение второй половины XVII–XVIII вв. было отстранено от власти минимум полсотни князей.

В качестве примера можно привести казус с имперскими графами фон Хоэнемс, правителями графства Вадуц. Сразу после подписания Вестфальского мира правящий граф Франц Вильгельм начал охоту на ведьм, которая была сравнительно небольшой по масштабам и завершилась в 1651 г. после того, как во время одного из расследований под подозрение попал приближенный графа. В 1677 г. новый граф Фердинанд Карл Франц фон Хоэнемс возобновил процессы против ведьм и колдунов. За три года были сожжены около 300 человек, что составляло примерно 10% населения Вадуца. В ходе расследования, предпринятого князем-аббатом Рупертом фон Бодманом, отправленного императором после получения петиции от жителей Вадуца, было установлено, что граф фон Хоэнемс применял к арестованным пытки и в своих действиях руководствовался преимущественно финансовыми соображениями, отправляя на костер зажиточных крестьян и горожан. По итогам рассмотрения отчета Бодмана имперским надворным советом граф Фердинанд Карл Франц был отстранен от власти и заключен в темницу до конца жизни, а права на графство были переданы его младшему брату Якобу Ганнибалу III, который должен был править под надзором Бодмана [31, p. 765; 32, p. 33].

Этот пример дает представление о механизме, при помощи которого осуществлялся контроль над князьями, и демонстрирует, что имперские князья не обладали полноценным суверенитетом ни во внешних, ни во внутренних делах.

ПОСЛЕ ВЕСТФАЛЯ

Нередко можно встретить утверждение, что, хотя в тексте Вестфальского договора не содержится никаких упоминаний о суверенитете или формировании новой системы международных отношений, он послужил стимулом для кардинального изменения существующей СМО.

Однако анализ событий, происходивших в европейской подсистеме, не позволяет сделать такой вывод. Хотя Вестфальский мирный договор стал важным элементом серии соглашений, формально положивших конец религиозным войнам, и ознаменовал новый рост французского могущества, описанная иерархия государств не исчезла. Процесс формального уравнивания статуса европейских монархов начался еще до Тридцатилетней войны, шел постепенно, и значительную роль в этом сыграла упомянутая выше позиция протестантских монархов, в частности, шведского короля Густава Адольфа, утверждавшего, что он является равней любому другому королю.

Борьбу за статус ярко демонстрируют многочисленные дипломатические казусы в период после заключения Вестфальского мира. Так, в 1661 г. во время торжественного выезда по случаю прибытия в Англию шведского посла французский и испанский послы поспорили за право ехать за королевской каретой. Так как обоим послов сопровождали около полутора сотен вооруженных всадников, начался бой, который завершился смертью одного из французов, многочисленными ранениями с обеих сторон и победой испанцев. После этого король Людовик XIV отозвал посла из Мадрида и пригрозил, что в случае, если испанские послы попытаются вновь оспорить право французских на старшинство, он объявит Испании войну. Тот факт, что для разрешения ситуации в Париж был отправлен специальный посланник, и что король Филипп IV распорядился впредь не оспаривать при иностранных дворах французское

первенство, говорит о том, что эта угроза воспринималась серьезно. Окончательно вопрос был урегулирован лишь в 1761 г. [11, pp. 17-18]

Насколько статусная лестница усложняла проведение переговоров, можно видеть на примере Утрехтского мира 1713 г. Для того, чтобы соблюсти достоинство всех заключающих договор сторон, комната, где шли переговоры, была обставлена так, чтобы левая часть ее полностью повторяла правую, для чего пришлось произвести переделку всего помещения, в частности, убрать все зеркала, чтобы обе стороны стали полностью идентичны. Был разработан строгий церемониал открытия конференции, в соответствии с которым первыми в зал входили делегаты от Англии и Франции, которые достигали центра одновременно, за ними в те же двери входили представители Нидерландов и герцога Савойского, за ними — послы остальных держав. Вряд ли подобное обостренное внимание к мельчайшим деталям протокола свидетельствует об уменьшении внимания к вопросам статуса [33, p. 229]. Сам принцип *rêle-mêlé*, в соответствии с которым делегации во время последующих переговоров входили в зал без определенного порядка и рассаживались за круглым столом без председательского места, возник из стремления избежать споров о порядке рассадки. Утрехтский мир, в отличие от Вестфальского, стал важным, хотя и не решающим шагом к отказу от формальной иерархии.

Свою роль в ликвидации описанной иерархической лестницы сыграло полноценное включение в европейскую политику России в начале XVIII в. и претензии Петра I на императорский титул. Хотя Россия была провозглашена империей в 1721 г., процесс признания этого статуса крупными европейскими странами, в первую очередь католическими, занял десятилетия: Англия и Австрия признали императорский титул русских царей в 1742 г., Франция и Испания – в 1745, Польша – в 1772; причем Франция и Испания сделали это лишь при условии, что такое признание не повлечет изменений в дипломатическом протоколе и церемониале [11, p. 35].

В целом можно утверждать, что впервые идея о сообществе суверенных государств как основе системы международных отношений появилась не ранее середины XVIII в., спустя столетие после заключения Вестфальского мира. Эта идея не сразу стала доминирующей и пережила еще не одну трансформацию (к примеру, в XIX в. концепция суверенитета тесно увязывалась с идеей "цивизованности"), и ее окончательное утверждение относится к середине XX в. Именно тогда, на волне деколонизации и массового появления на политической карте неевропейских игроков, была полностью признана та концепция суверенитета, которую мы по иронии судьбы называем "вестфальской".

НИДЕРЛАНДЫ И ШВЕЙЦАРИЯ: ВОПРОСЫ СУВЕРЕНИТЕТА

Характерным примером сложности самого понятия суверенитета в описываемый период является вопрос о независимости Нидерландов и Швейцарии.

На момент подписания Вестфальского договора республики были привычными акторами европейского политического процесса: итальянские и южнославянские морские и сухопутные республики (Венеция, Генуя, Лукка, Ноли, Рагуза, Полица), имеющие республиканскую форму правления вольные имперские города (Гамбург, Бремен, Любек и т.д.), крестьянские республики Германии. Могущественные морские республики отличались сложной структурой, характерной для составных государств: к примеру, Венеция имела в своем составе "королевства" (Кипр и др.), которые сохраняли свой статус, поднимая тем самым ранг республики как таковой.

Нидерланды к описываемому времени уже имели неудачный опыт республиканской формы правления. В 1477 г. после гибели бургундского герцога Карла Смелого генеральные штаты, пользуясь отсутствием авторитета и слабых характерностью его формальной наследницы Маргариты Бургундской, добились от нее многочисленных привилегий, по сути сформировав первое в европейской истории государство с парламентской формой правления. В процессе перераспределения властных полномочий явно обозначился антагонизм между южными и северными Нидерландами. Парламентская форма правления в Бургундском герцогстве просуществовала недолго: под угрозой со стороны вторгшихся французских войск Маргарита вышла замуж за эрцгерцога Максимилиана I, в результате чего Нидерланды отошли к Габсбургам.

В составе габсбургских владений началось формирование Нидерландов как самостоятельной общности. В 1512 г. была проведена имперская реформа, выделившая в составе Священной Римской империи Бургундский округ, состоявший из владений Габсбургов, полученных в результате наследования Бургундии. В 1548 г. на Аугсбургском рейхстаге в результате так называемого Бургундского договора Бургундский округ получил новые земли, до того входившие в состав Вестфальского округа, и новый статус: он был разделен на Семнадцать провинций (северные территории) и графство Бургундия с вольным городом Безансон. В 1549 г. император Карл V одобрил Прагматическую санкцию, где содержалось положение о неделимости Семнадцати провинций (таким образом, Бургундский округ не мог быть урезан в результате проблем с наследованием). Этот шаг имел важное политическое значение: до того Провинции считались фьефами империи, после этого они по сути превратились в наследственное владение испанских Габсбургов, став полунезависимыми. Помимо этого, они были освобождены от уплаты имперских налогов. В результате раздела империи Габсбургов в 1558 г. Семнадцать провинций отошли Испании: таким образом они были де-факто выделены из состава империи.

О сложной схеме суверенитета в описываемые времена лучше всего говорят положения Утрехтской унии (1579 г.), положившей начало обособлению северных провинций Нидерландов. Текст, в котором говорится о формировании этого военно-политического союза, содержит в преамбуле упоминание о том, что Уния заключается "ни в коем случае не с намерением отделиться от Священной Римской империи". То есть Нидерланды через 11 лет после восстания не считали себя юридически отдельным субъектом, подчеркивая принадлежность империи, несмотря на Прагматическую санкцию.

Тем не менее на последнем этапе Восьмидесятилетней войны (1568–1648) и в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) обособление окрепших Нидерландов стало свершившимся фактом, который потребовал юридического закрепления. Процесс оказался весьма длительным. Независимость Нидерландов была признана Испанией по Мюнстерскому миру, в котором говорилось, что генеральные штаты "признаются свободными и суверенными" (*souverain*). Так как текст договора был написан на французском языке, то проблем с латинской терминологией не возникло. Тем не менее отделение Нидерландов от Священной Римской империи так и не было юридически полностью завершено.

Единственное упоминание империи содержится в статье 53 Мюнстерского мира, где говорится, что между голландцами с одной стороны и Империей и императором – с другой должны "продолжаться и соблюдаться отношения нейтральные, дружеские и добрососедские". Нидерланды обязались это сделать по факту подписания договора, испанский монарх, в свою очередь, обязался убедить Священную Римскую империю соблюдать этот пункт. Он действительно обратился к императору с такой просьбой. В июле 1648 г. император Фердинанд III издал соответствующую декларацию: в 1654 г. рейхстаг проголосовал за предварительную резолюцию, согласно которой он обязался утвердить эту декларацию после того, как нидерландские генеральные штаты утвердят ее со своей стороны. Однако генеральные штаты не стали рассматривать этот вопрос. Как следствие и имперская декларация осталась лишь в предварительном варианте [28, p. 268].

Иначе обстояло дело со Швейцарией. Она обладала значительной автономией начиная с 1619 г., когда по итогам удачной для нее Швабской войны был подписан Базельский мирный договор. По его условиям Швейцария была выведена из-под юрисдикции имперских судов. Но так как расширение Швейцарского союза на этом не остановилось, то возникла коллизия: присоединившийся к Конфедерации в 1501 г. Базель оставался, с точки зрения имперских властей, частью империи, а следовательно, имперский суд принимал апелляции на решение муниципального суда Базеля в отличие от остальной части Конфедерации.

В ходе Тридцатилетней войны Швейцария оставалась нейтральной. Попытки протестантских сил нарушить ее границы привели к формированию единой оборонительной политики с участием как протестантских, так и католических кантонов и подписанию в 1647 г. единого "Военного уложения". Единственным регионом, который был всерьез затронут войной, стало Свободное государство Трех Лиг (впоследствии кантон Граубюнден или Гризон), находившееся со Швейцарской конфедерацией в отношениях "вечного дружеского союза" и

ведшее войну за стратегически важную долину Вальтеллина сперва против Габсбургов, затем в союзе с ними.

На Вестфальский конгресс Швейцария отправила бургомистра Базеля Иоганна Рудольфа Веттштайна. Стоит отметить, что его статус менялся в процессе конгресса – если изначально он представлял только шесть протестантских городов, то позже его полномочия подтвердили и кантоны католические. Изменился и характер его миссии: изначально Веттштейн ставил целью лишь подтвердить швейцарские вольности и добиться перехода Базеля под полную юрисдикцию Швейцарии. Однако в процессе переговоров “швейцарское дело” было использовано французами и приобрело такое значение, что в итоге в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах появились специальные пункты, посвященные Швейцарскому союзу.

Так, в статье 6 Оснабрюкского договора и в параграфе 61 Мюнстерского договора, посвященных собственно Швейцарии, содержится формулировка *Cantones in possessione vel quasi plenae libertatis et exemptionis ab Imperio esse*, то есть “кантоны, обладающие [как бы] полной свободой и освобождением от Империи”. Далее утверждается, что “таким образом она не является подчиненной трибуналам Империи и их приговорам”. Соответственно, еще в XVIII–XIX вв. сложились две точки зрения насчет того, чего удалось добиться Веттштейну.

Ряд исследователей утверждал, что речь в указанной статье идет исключительно о выводе Швейцарии из-под юрисдикции имперских судов, что отнюдь не свидетельствует о получении Швейцарией независимости де-юре [28, pp. 576-577; 34]. Другие же указывали, что в этом случае использовалась бы формулировка *exemptio intra Imperio*, которая применялась обычно в случае, когда субъект империи более не подчинялся как субъект имперским законам в связи с поглощением его другим субъектом СРИГН; формулировка же *ab Imperio* подразумевала, что он был либо поглощен государством вне имперских границ, либо вышел из состава империи по собственной инициативе. Указывалось также, что *quasi* нельзя рассматривать как ограничение обладания свободой, так как подобная формулировка означала владение чем-либо нематериальным в противовес владению материальными ценностями [35, pp. 119-124].

Можно утверждать с уверенностью, что Вестфальские договоры закрепили право Швейцарии на широчайшую автономию в составе Священной Римской империи и территориальные приобретения, сделанные уже после Базельского договора. Но при этом формально Швейцария не вышла из состава СРИГН; этот процесс происходил постепенно и продлился еще минимум век, кантоны продолжали приносить имперскую присягу, а сами швейцарцы подчеркивали свою принадлежность империи [36; 37].

Можно констатировать, что обе республики обладали реальной независимостью задолго до Вестфальских договоров; что в строгом смысле независимость ни той, ни другой не была признана Вестфальскими договорами; и что формально они оставались в составе Священной Римской империи и после этих договоров. Это свидетельствует о том, что в Средневековье и раннее Новое время юридическое признание суверенитета значило существенно меньше по сравнению с фактическим суверенитетом; до тех пор, пока формальный суверен не вмешивался в дела судебные и налоговые, его наличие мало волновало те регионы, господином которых он считался.

* * *

Таким образом, в европейской системе международных отношений по итогам Вестфальского мирного конгресса не произошло кардинальных изменений. Иерархическая лестница, от положения на которой зависел статус государства, не исчезла из общей системы координат. Государства, которые фактически были суверенными ранее, таковыми и остались. Те же, которые не обладали суверенитетом, его не получили. Вестфальский мир был классическим “христианским миром” предыдущих столетий: он не вводил в практику ничего нового, а лишь ставил целью возврат к прежним, “неиспорченным” временам.

Историческое значение Вестфальского договора, прекратившего Тридцатилетнюю войну в центре Европы, зафиксировавшего окончание крупной религиозной войны в Германии и

ставшего одной из стартовых точек кратковременной экспансии династии Бурбонов, очень велико, но значение его для формирования современной системы международных отношений, основывающейся на системе суверенных государств, неизмеримо меньше. О Вестфальском миропорядке можно говорить в том же смысле, в каком можно говорить, к примеру, о Парижском и Берлинском миропорядках по итогам соответствующих договоров XIX в. – то есть об определенной расстановке сил на международной арене в определенный период времени. В этом случае вернее было бы вести речь о Вестфальско-Пиренейском миропорядке, учитывая значение Пиренейского мира, заключенного в 1659 г. между Францией и Испанией. Спустя несколько десятилетий на смену Вестфальско-Пиренейской системе пришла Утрехтская: система мирных договоров по итогам войны за Испанское наследство (1701–1714) содержала гораздо больше нововведений, чем Вестфальский и Пиренейский договоры [38].

Признание ложности “Вестфальского мифа” ставит перед нами вопрос о том, когда именно появились те нормы, которые принято называть вестфальскими. Это не является целью настоящей статьи, однако думается, что этот вопрос должен стать предметом для дискуссий, которые обогатят теорию международных отношений как дисциплину и, возможно, поставят под вопрос ряд положений, кажущихся незыблемыми. Определенно появление фактического международного суверенитета относится к более раннему периоду, при этом юридические принципы взаимодействия суверенных государств появились, по всей видимости, спустя столетие после заключения Вестфальского мира в работах Эмера де Ваттеля [30]. Нормой они стали лишь в XIX в., когда по итогам наполеоновских войн, сломавших прежний европейский порядок, исчезла Священная Римская империя, а с ней ушла в прошлое та иерархическая лестница, на которой она занимала верхнюю ступень. Религиозный фактор также перестал играть важную роль в европейской политике, а в недрах старых империй вызрели государства-нации, превратившиеся в XX в. в главных акторов международных отношений.

Напрасно, однако, мы будем искать определенную точку на шкале истории, в которой старые нормы в одночасье сменились новыми. Концептуальные основы системы международных отношений не закладываются путем подписания мирных договоров: они формируются в ходе исторического процесса под влиянием многочисленных факторов, включая технические и климатические. Их основные положения формулируются и оспариваются учеными, популяризируются в массах, начинают восприниматься как естественные – и только после этого находят выражение в подписанных мирных трактатах. Лишь изучая этот процесс в динамике, можно с достаточной уверенностью строить прогнозы на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ruggie J.G. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. *World Politics*, 1983, vol. 35, no. 2, pp. 261-285. DOI: 10.2307/2010273
2. Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematising Modernity in International Relations. *International Organization*, 1993, vol. 47, no. 1, pp. 139-174.
3. Batora J., Hynek N. *Fringe Players and the Diplomatic Order: The «New» Heteronomy*. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 214 p.
4. Fischer M. Feudal Europe, 800-1300: Communal Discourse and Conflictual Practices. *International Organization*, 1992, vol. 46, no. 2, pp. 427-466.
5. Hall R.B., Kratochwil F.V. Medieval Tales: Neorealist «Science» and the Abuse of History. *International Organization*, 1993, vol. 47, no. 3, pp. 479-491.
6. Latham A. *Theorizing Medieval Geopolitics*. New York, Routledge, 2011. 204 p.
7. *Medieval Geopolitics: An interview with Andrew Latham*. 2013. Available at: <https://www.medievalists.net/2013/12/medieval-geopolitics-an-interview-with-andrew-latham/> (accessed 15.10.2019).
8. Wilentz S. *Rites of Power: Symbolism, Ritual, and Politics since the Middle Ages*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1999. 360 p.
9. Larkins G. *From Hierarchy to Anarchy: Territory and Politics before Westphalia*. New York, Palgrave Macmillan, 2010. 269 p.
10. Снорри Стурлусон. *Круг Земной*. Москва, Наука, 1980. 686 с. [Snorri Sturluson. *Krug Zemnoi* [Heimskringla (in Iceland.)]. Moscow, Nauka, 1980. 686 p.]
11. Satow E. *A Guide to Diplomatic Practice*. London, Green & Co. 1917. Vol. 1. 407 p.
12. *Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du Roi*. Paris, Imprimerie royale, 1789. Vol. 2. 730 p.
13. Rousset de Missy J. *Mémoires sur le rang et la préséance entre les souverains de l'Europe*. Amsterdam, F. L'Honoré et fils, 1746. 237 p.

14. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. New York, Dover Publications, 1988. 284 p.
15. Koenigsberger H.G. Republicanism, Monarchism and Liberty. *Royal and Republican Sovereignty in Early Modern Europe*. Oresko R., Gibbs G.C. eds. Cambridge University Press, 1997, pp. 43-74.
16. Koenigsberger H.G. *Politicians and Virtuosi: Essays on Early Modern History*. Bloomsbury Academic, 2003. 288 p.
17. Barber M. *The Two Cities: Medieval Europe 1050–1320*. Second ed. New York, Routledge, 2004. 540 p.
18. Maiolo F. *Medieval Sovereignty: Marsilius of Padua and Bartolus of Saxoferrato*. Delft, Eburon Academic Publishers, 2007. 330 p.
19. Robinson I. S. *Authority and Resistance in the Investiture Contest: The Polemical Literature of the Late Eleventh Century*. New York, Manchester University Press, 1978. 195 p.
20. Ubl K. Debating the Emergence of an Idea: John of Paris and Conciliarism. *John of Paris: Beyond Royal and Papal Power*. Jones C. ed. Turnhout, Brepols, 2015, pp. 263-306.
21. Wilks M. *The Problem of Sovereignty in the Later Middle Ages: The Papal Monarchy with Augustinus Triumphus and the Publicists*. Cambridge, Cambridge University Press, 1963. 619 p.
22. Gillingham J. *Richard I*. New Haven, London, Yale University Press, 1999. 378 p.
23. Regan G. *Lionhearts: Richard I, Saladin, and the Era of the Third Crusade*. New York, Walker and Company, 1998. 254 p.
24. Southey R. *The British Admirals. With an Introductory View of the Naval History of England*. London, Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, Green & Longmans and John Taylor. 1833. Vol. 2. 380 p.
25. Kingsford C.L. A Legend of Sigisunund's Visit to England. *The English Historical Review*, 1911, vol. XXVI (CIV), pp. 750-751. DOI:10.1093/ehr/xxvi.civ.750
26. Hoak D. The Iconography of the Crown Imperial. *Tudor Political Culture*. Hoak D., ed. Cambridge University Press, 1995, pp. 54-103.
27. Ganshof F.L. *Feudalism*. London, Longmans, Green and Co, 1952. 160 p.
28. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*, 1999, vol. 21, no. 3, pp. 569-591. DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869
29. Holborn H. *A History of Modern Germany. Vol. 2, 1648-1840*. New York, Princeton University Press, 1964. 558 p.
30. Beaulac S. *The Power of Language in the Making of International Law: The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia*. Leiden, Brill, 2004. 200 p.
31. Lyons J.D., ed. *The Oxford Handbook of the Baroque*. Oxford University Press, 2019. 912 p.
32. Ankarloo B., Clark S., Monter W. *Witchcraft and Magic in Europe. Vol. 4: The Period of the Witch Trials*. London, The Athlone Press, 2002. 193 p.
33. Gerard J.W. *The Peace of Utrecht: Historical Review of the Great Treaty of 1713-14, and of the Principal Events of the War of the Spanish Succession*. New York, London, G. P. Putnam's Sons, 1885. 420 p.
34. Osiander A. "This Solemn, and Ever Memorable and Sacred Treaty": Perceptions of the Peace of Westphalia in the Later Ancien Régime. Available at: <http://www.andreas-osiander.net/wordpress/andreas-osiander/interessen/this-solemn-and-ever-memorable-and-sacred-treaty-perceptions-of-the-peace-of-westphalia-in-the-later-ancien-regime/> (accessed 18.07.2019).
35. Hogger D. *The Recognition of States: A Study on the Historical Development in Doctrine and Practice with a Special Focus on the Requirements*. Zurich, LIT Verlag, 2015. 254 p.
36. Stadler P. Der Westfälische Friede und die Eidgenossenschaft. *Der Westfälische Friede: Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte*. Duchhardt H., ed. Munich, Oldenbourg, 1998, pp. 361-391.
37. Egger F. Johann Rudolf Wettstein und die internationale Anerkennung der Schweiz als europäischer Staat. In *1648: Krieg und Frieden in Europa. Textband I: Politik, Religion, Recht, und Gesellschaft*. Bussman, K., Schilling H. eds. Munich, Bruckmann, 1998, pp. 423-432.
38. Sashalmi E. The Novelty of the Utrecht Peace Settlement (1713). *Central European Papers*, 2015, vol. 3, iss. 2, pp. 20-33.

THE "WESTPHALIAN MYTH" AND "WESTPHALIAN" SOVEREIGNTY

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 4, pp.11-23)**Received 17.11.2019.**Aleksei V. KUPRIYANOV (a.kupriyanov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article focuses on the origin of so-called Westphalian sovereignty. There was a popular idea among many IR scholars, that Europe had hierarchical state system before the Westphalian Peace Congress built on the model of the feudal order. It was argued that as a result of the signing of the Peace Treaty of Westphalia, a new international order was created based on the interaction of numerous sovereign states that treated each other as equals. The author analyzes the evolution of the medieval state system and concludes that it went through several stages. The barbarian kingdoms, having full sovereignty, were fragmented into various polities (duchies, counties, baronies, etc.) due to the weakening of royal power. However, this process was completed by the 14th century, and sovereign kingdoms that did not recognize the suzerainty of the Emperor or the Pope, became the main players on the political stage again. Moreover, there was a concept of precedence among nations, which determined the status of the state in the European state system. It did not oblige politicians of lower status to obey their superior, but at the same time, high status was perceived as a value in itself. The author also examines the text of the Westphalian Treaty and demonstrates that there is no mention of sovereignty there. Those formulas that can be interpreted as a reference to sovereignty, repeat the text of previous treaties or are a consolidation of existing practices. The author demonstrates that after the conclusion of the Peace of Westphalia, the concept of priority remained until the end of the Ancien Régime. To demonstrate how complex the concept of sovereignty was in the Early Modern Europe, the author explores the process of independence by the Netherlands and Switzerland, showing that none of them was formally enshrined in the Westphalian Treaty.

Keywords: Peace of Westphalia, Thirty Years War, History of International Relations, Westphalian Myth, France, sovereignty, Netherlands, Switzerland.

About author:

Aleksei V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Government, Department of International Political Problems.

DOI: 10.20542/afj-2019-4-11-23